

Максимилиан Волошин в Одессе

Из Питера пришла грустная весть: умер Владимир Петрович Купченко. Крупнейший специалист по творчеству Максимилиана Волошина. Он успел завершить кропотливый труд — поденную, помесичную биографию поэта, но, увы, лишь два тома из полного собрания сочинений М. Волошина вышли при его жизни с его комментариями.

Конечно же, круг интересов В. Купченко был намного шире жизни и творчества Волошина и его окружения. В недавно опубликованном 2-томнике писем Ильи Эренбурга есть бурное письмо Володи маститому писателю, где он обвиняет его в том, что тот сосредоточил память на великих людях, а фон — к примеру, скульптор Издебский, остался в тени. Интересен и ответ Эренбурга, объясняющий, что всему должен прийти свой час.

В архиве В.П. Купченко его жена Роза Павловна Хрулева обнаружила неопубликованную статью исследователя о связях М. Волошина с Одессой. К этой теме он обращался много раз, но каждый раз находил новые материалы. Эту неопубликованную статью Роза Павловна Хрулева любезно предоставила нашему альманаху.

Впервые М.А. Волошин (1877-1932) побывал в Одессе летом 1914 года — проездом из Крыма в Швейцарию. Настоящее знакомство с "черноморским Парижем" состоялось в 1919 году, когда поэт провел здесь три с половиной месяца. Шла гражданская война — и пуститься в опасное путешествие, в осеннем латаном пальтишке зимой, заставила Волошина нужда. В надежде хоть что-нибудь заработать, он предпринял лекционное турне по городам Крыма, а затем, около 20 января, отплыл с этой же целью в Одессу.

Остановился Волошин на Нежинской улице, 36, у своих друзей по Парижу Марии и Михаила Цетлиных, людей состоятельных и щедрых: дружеская обстановка и определенный комфорт были поэту обеспечены. А в Одессе тогда было неуютно. Город был перегружен беженцами с севера, работы — особенно для представителей свободных профессий — не хватало; постоянно возникал призрак голода. Трудно было с топливом, то и дело гасло электричество; свирепствовал сыпной тиф. По улицам шагали военные патрули: французские и английские моряки, греческие и румынские солдаты, польские легионеры, добровольцы. Тем не менее, процветал бандитизм; как о "рекорде наглости" газеты сообщали об ограблении похоронной процессии...

Очевидец свидетельствовал: "Сюда съехались видные представители всех русских политических партий организаций, различные обществен-

ные деятели, промышленники, финансисты, торговцы, землевладельцы, целые тучи всевозможных спекулянтов, множество видных чиновников старого режима... Этот громадный наплыв большей частью богатых и совершенно свободных людей создавал крайне нездоровую атмосферу всевозможных толков, слухов и панических "настроений"...

Впоследствии Волошин отразил эти впечатления в стихотворении "Спекулянт":

Кишмя кишеть в кафе у Робина
Шнырять в Ростове, шмыгать по Одессе,
Кипеть на всех путях, вползать сквозь все затворы,
Менять все облики,
Все масти, все оттенки, <...>
При всех режимах быть неистребимым,
Всепроникающим, всеядным, вездесущим,
Жонглировать то совестью, то ситцем,
То спичками, то родиной, то мылом,
Творить известья, зажигать пожары,
Бунты и паники...

Однако культурная жизнь в Одессе не замирала. Выходило ни более ни менее 20 газет! Еще — 12 журналов. Афиши сообщали о концертах Изы Кремер, А. Вертинского, Н. Плевицкой, Леонида Утесова. Спектакли кабаре "Веселая канарейка" шли ежедневно. Иван Поддубный выступал в цирке Труцци. Кружок поэтов "Зеленая лампа" объединял Аделину Адалис, Эдуарда Багрицкого, Александра Биска, Леонида Гроссмана, Веру Инбер, Валентина Катаева, Юрия Олешу, Зинаиду Шишову. Это были местные поэты. Из приезжих в Одессе находились: Иван Бунин, Дон-Аминадо, Влас Дорошевич, Наталья Крандиевская, Алексей Толстой, Тэффи, Татьяна Щепкина-Куперник. А еще профессора, художники, адвокаты, журналисты...

И. Бунин вспоминал, что Волошин по приезде "тотчас же проявил свою обычную деятельность, — выступал с чтением своих стихов в Литературно-художественном кружке, затем в одном частном клубе". Несколько шаржируя Волошина, писатель все же нарисовал выпуклый его портрет: "Наружность его с годами уже несколько огрубела, отяжелела, но движения по-прежнему легки, живы, когда перебегает через комнату, то перебегает каким-то быстрым и мелким аллюром, говорит с величай-

шей охотой и много, весь так и сияет общительностью, благорасположением ко всему и ко всем, удовольствием от всех и от всего... Одет при этом очень бедно — так уж истерта его коричневая блуза, так блестят черные штаны, разбиты башмаки"...

25 января Волошин выступает с чтением стихов в Клубе увечных воинов. 19 февраля читает "политические и лирические стихи" на собрании кружка "Среда". 21 февраля состоялся благотворительный бал в зале Литературно-артистического общества. 6 марта в Русском театре состоялся диспут "Женщина перед судом женщины", а 28 марта — вечер кружка "Зеленая лампа" в помещении Камерного театра. Волошин дважды читал лекции (28 февраля и 3 апреля): в собрании Литературно-артистического общества — о Верхарне, на "четверге" Религиозно-философского общества — о жестокости жизни и ужасах в искусстве; участвовал в "Устной газете" Союза журналистов.

Поэту удалось напечатать в Одессе стихи "Преосуществление" (в ж. "Объединение"), а также "Молитву о городе" и "Видение Иезекииля" в эсеровской газете "Дело". Дважды он выступал в одесской печати в защиту женщин. В заметке "Первое впечатление Одессы" Волошин рассказал о своем визите в дом № 3 по Пироговской улице к знакомым, снимавшим комнату у некоего генерала Кузнецова. Волошина сопровождала молодая поэтесса Татида (Т.Д. Цемах). Раздосадованный тем, что его разбудили (в 5 часов дня!), квартирохозяин захлопнул дверь перед носом посетителей, в кровь разбив руку девушки. Звонки и стук в дверь остались без ответа. "Где и какими путями надо искать законной управы против таких людей?" — вопрошал Максимилиан Александрович.

Другое его выступление имело более общий и политический оттенок. Его знакомая по Петербургу поэтесса Е.Ю. Кузьмина-Караваева была предана в Екатеринодаре военно-полевому суду белых по обвинению в большевизме. В период февральской революции она была избрана товарищем городского головы Анапы и оставалась на этом посту после прихода большевиков. Волошин был убежден, что Кузьмина-Караваева не имела ничего общего с большевизмом. Письмо в редакцию "Одесского листка", оставленное им, подписали также А. Толстой, Л. Гроссман, В. Инбер, Н. Крандиевская, Тэффи, Амари, А. Биск, А. Кипен. "Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей", — заканчивалось письмо. "Одесские новости" сообщили 29 марта, что военно-окружной суд, приняв во внимание "смягчающие вину обстоя-

тельства", приговорил потомственную дворянку Е.Ю. Кузьмину-Караваеву, 27-ми лет, к двухнедельному аресту.

В Одессе Волошин написал также статью "На весах поэзии", но печатать ее при белых нечего было и думать. В противовес добровольцам, видевшим в большевизме "заговор злоумышленников — германцев и евреев", Волошин утверждает, что большевизм — явление национальное. "Суть в том, — писал поэт, — что древняя, темная, историческая жизнь России, так долго скрывавшаяся под спудом империи, выступила из берегов". Видя в революции извечный русский бунт, своего рода новую разиновщину, Волошин одновременно признавал: "Большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России"...

Из одесситов Максимилиан Александрович особенно подружился с поэтом и литературоведом Леонидом Гроссманом. 4 февраля тот подарил ему две свои книжки — "для первого знакомства и возникающей дружбы", "от недавнего знакомого и старинного почитателя". Впоследствии в стихотворном послании к Л.П. Гроссману Волошин вспоминал, как тот "...пел в сонетах млечный блеск Плеяд / На стогнах голодающей Одессы". Гроссман познакомил Максимилиана Александровича с одесскими издателями. Под маркой издательства "Омфалос", принадлежавшего Я.Г. Натансону, должны были выйти две книжки стихов Волошина и его переводы из Э. Верхарна и Анри де Ренье. Е.И. Рузер взялся за переиздание волошинского сборника "Демоны глухонемые", который недавно вышел в Харькове. "Потребность во втором издании громадна, так как оно почти никуда, кроме Харькова, не попало", — писал поэт позднее из Коктебеля своему одесскому издателю. Были уже набраны гранки (в настоящее время они хранятся в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле). Пытаясь достать бумагу, Рузер ездил в Константинополь, но, по-видимому, неудачно. В конце концов, в Одессе вышел только один сборник Волошина — переводы из Верхарна...

Над переводами из Анри де Ренье поэт работал усиленно с конца февраля. "Ночь богов", "Прощанья", "Пленница", "Ваза", "Пожелания", "Любовь": из мрачной действительности с голодом, грабежами и убийствами Максимилиан Александрович переносился в мир мечты, населенный нимфами и фавнами, блуждал по перелескам, где голос флейты смешивался с плеском фонтанов. 5 апреля он переводит стихотворение "Девочка" и пишет внизу: "В день вступления григорьевцев"...

Фронт уже давно подступал к Одессе. Еще в марте большевики заня-

ли Херсон и Николаев. По всей южной Украине ширилось партизанское движение. В результате умелой пропагандистской работы подпольщиков у союзников оставалось все меньше надежных частей... 2 апреля французское командование отдает приказ об эвакуации. В городе паника. Многие из интеллигентов бегут. 4 апреля Волошин провожает в Константинополь Цетлиных и Толстого с Крандиевской. Алексей Николаевич настойчиво зовет Максимилиана Александровича с собой: "Родина гибнет, промедление смерти подобно!". Волошин кротко покачивает большой головой: "Нет, Алехан. Когда мать больна, дети ее остаются с нею"...

Первыми в Одессу входят части атамана Н. Григорьева, заявившего в феврале о переходе на сторону Красной Армии. В тот же день художники и журналисты Одессы устраивают собрание, на котором возникает мысль об объединении в "Союз искусств". Сохранился волошинский проект этого объединения, в котором программировалось: "Искусство для того, чтобы вернуть себе глубокое и творческое влияние на народную жизнь, должно вернуться к старому единству"... Приближалось 1 Мая. Исполком принял решение привлечь к праздничному украшению города всех оказавшихся в Одессе художников. По свидетельству Амшея Нюренберга, тогдашнего комиссара искусств, в составленную им бригаду входили: Волошин, Гельман, Константиновский, Мидлер, Олесевич, Фазини, Фраерман, Экстер. Бунин рассказывает: "Волошин тоже загорается рвением украшать город; фантазирует, как это надо сделать: хорошо, например, натянуть над улицами и по фасадам домов полотнища, расписанные ромбами, конусами, пирамидами, цитатами из разных поэтов"...

20 апреля газета "Голос красноармейца" сообщала о создании Комиссии по проведению 1 Мая: руководителями литературного отдела этой Комиссии были назначены М. Волошин и некий Монастырский. Сохранилась записка Волошина к Гроссману с просьбой помочь в составлении списка произведений русских и иностранных поэтов, "касавшихся революции, которые можно было бы использовать 1 мая". Однако 25 апреля, судя по дневнику В.Н. Буниной, "Известия" Одесского Совета сообщают, что Волошин отстранен от первомайской комиссии: кому-то запомнилось выступление поэта в эсеровской газете... Пытаясь отстаивать свою позицию "над схваткой", Максимилиан Александрович шлет письмо в редакцию: "Могу Вам сообщить, что я писал в десятках органов, от самых правых до самых левых, — и ни один из них не соответствовал моим политическим взглядам, т. к. я имею претензию быть автором собственной социальной системы"...

Впрочем, к этому времени Волошин уже многое успел сделать. Судя по его пометам в блокноте, с 7 по 2 апреля он был занят устройством "Союза союзов"; тринадцатого выступал в "Зеленой лампе"; шестнадцатого — в университете. 5, 8 и 14 апреля он участвует в заседаниях первомайской комиссии (в Художественном училище на Преображенской ул.), пятнадцатого и восемнадцатого ведет собрания ее Литературного отдела. 10 апреля в его блокноте записано: "Поэты"; 21-го — "Жюри"... Таким образом, несмотря на отстранение от работы в Комиссии за пять дней до праздника, в первомайском украшении города был, без сомнения, и его вклад...

В советской Одессе Волошин общался, кроме Л.П. Гроссмана, с поэтессами А. Адалис и Еленой Кранцфельд, с художниками Е.О. Буковецким, М.К. Гершенфельдом, В.А. Мидлером, П.А. Нилусом, А.А. Экстер, с поэтом и искусствоведем Ф.Г. Гозиасоном, философом К.А. Кузнецовым, фотографом Ш. Масловым, сделавшим два портрета Максимилиана Александровича; бывал в "Омфалосе" и у издателя Е.И. Рузера. Он — частый гость Буниных (об освобождении квартиры которых от реквизиции Максимилиан Александрович успешно хлопотал). Позднее Иван Алексеевич вспоминал: "Волошин часто сидит у нас по вечерам. По-прежнему мил, оживлен, весел. "Бог с ней, с политикой, давайте читать друг другу стихи!" Конечно, восхищается Блоком, Белым — и тут же Анри де Ренье, которого переводит. После девяти запрещено показываться на улице, Волошин иногда у нас ночует. У нас есть некоторый запас сала и спирта, он ест жадно и с наслаждением — и все говорит, говорит и все на самые высокие и трагические темы".

В двадцатых числах апреля Волошин начинает изыскивать средства возвратиться домой. Помочь ему в том берется командующий Черноморским флотом А.В. Немитц, сам пишущий стихи. Как с поэтом Максимилиан Александрович находит общий язык с сорокалетним контр-адмиралом, искренне поверившим в правду большевиков. "Он видит и верит, что идет объединение и строительство России", — говорит Волошин Бунину.

В эти же дни "в гостиной одной хорошенькой женщины (по-видимому, у Пеговых) Волошин познакомился с председателем одесской ЧК Северным (Юзефовичем). "Это человек с кристальной душой", — уверяет поэт негодующего на него Бунина. Позднее, работая над стихотворным циклом "Личины", Волошин зарисовал облик Северного: "Весь звенящий своей мечтой. Мягкие рыжие волосы. Веснушки. В рубашке без воротничка. Пиджак... Он был в отряде подрывателей. Только что вырвался из застенка... Ему вгоняли щепочки под ногти, ему подпаливали пальцы на от-

не. Ему читали приговор, ставили к стенке, стреляли поверху головы и вели на допрос... Приход большевиков спас его"...

1 мая одесская чрезвычайная комиссия выдала Волошину разрешение на выезд "из Одессы до Феодосии". Немитц предоставил парусный дубок (№ 471) "Казак". Вместе с поэтом в Крым отправляются три матроса — сотрудники Одесской ЧК Врублевский, Малышевский и Борисов, — посланные для связи с Севастополем. Перед отъездом Волошин получил назначение заведовать в Феодосии Отделом искусств Наробраза. Вместе с ним возвращалась в Крым Татида: последний вечер в Одессе Максимилиан Александрович провел вместе с ней у Буниных. "Одет он был уже по-дорожному — матроска, берет, — вспоминал Иван Алексеевич. — В карманах держал немало разных спасительных бумажек на все случаи... Все же все мы, в том числе и он сам, были в этот вечер далеко не спокойны"... 10 мая "Казак" вышел в море. Позади оставался город

Весь в красном иступленьи
Расплесканных знамен,
Весь воспаленный гневами и страхом,
Ознобом слухов, дрожью ожиданий,
Где поздняя весна скользит украдкой
В прозрачном кружеве акаций и цветов...

На рассвете 14 мая, на пятый день плавания, показали берега Крыма...

1979 г. Коктебель

